

ГУСТАВ ШТРЕЗЕМАН И ПРОБЛЕМА АНШЛЮСА В 1920-е гг.

Д.В. Родин

Распад Австро-Венгрии привел к политическому вакууму и, в известной степени, к экономическому хаосу в Центральной Европе. Генерал Т. Бриджес так описывал государства, возникшие на руинах империи Габсбургов: «Эти новые республики и подающие надежды демократии, через которые я проезжаю, представляют собой удручающее и неприятное место... В особенности печальна Австрия. Как будто прекрасная и обходительная мать, умершая при рождении монструозного ребенка» [5, с. 10]. Ощущение неполноценности, ущербности новообразованной Австрийской республики было широко распространено среди самих австрийцев, как и среди их северных соседей – немцев, что вело к убежденности широких масс в необходимости слияния двух государств. Однако Версальский и Сен-Жерменский договоры прямо запрещали аншлюс Австрии Германией. Тем не менее в течение последующих двух десятилетий политические деятели обеих республик неоднократно поднимали вопрос о необходимости воссоединения двух немецких государств. Одним из них был Г. Штресеман, чьи взгляды на проблему аншлюса в 1918–1929 гг. и будут рассмотрены в рамках представленного доклада.

С самого начала своей политической карьеры Г. Штресеман заявлял о себе, как о горячем стороннике аншлюса Австрии. В декабре 1918 г. он говорил: «Если мы добьемся того, что австрийцы присоединятся к нам, мы частично компенсируем то, что мы потеряли с другой стороны; тогда мы получим в сердце Европы большой блок из 70 миллионов немцев, который никто не сможет игнорировать...» [6, с. 129]. Он был среди тех, кто в феврале 1919 г. от лица Веймарского Учредительного собрания приветствовал решение Немецкой Австрии объединиться с Германией [13, с. 45]. И столь же велико было его разочарование, когда страны Антанты, провозгласившие принцип самоопределения наций, запретили немцам создание единого государства. В 1920 г. Г. Штресеман писал по поводу вышеназванного принципа: «Оно укрепляет мужество тех, кто в Немецкой Австрии, Немецком Тироле и Немецкой Богемии требует слияния с Германией или, по крайней мере, автономии в иноязычных государствах. Именно потому, что враждебные нам мирные соглашения нарушили этот принцип, они закладывают основу для будущей переориентации [указанных территорий – прим. авт.]» [9, с. 271].

Однако уже к моменту вступления Г. Штресемана в должность министра иностранных дел его взгляды претерпели известные изменения. Один из помощников Г. Штресемана, Э. Штерн-Рубарт, описывая своего начальника, вспоминал о надеждах последнего «тщательно организовать аншлюс с Австрией» [1, с. 282]. Однако подготовка аншлюса могла занять достаточно много времени, и сам Г. Штресеман в частном письме к кронпринцу Вильгельму указывал, что аншлюс Австрии видится ему «в тени» других, более насущных задач: разрешения репарационного вопроса, защиты немецких меньшинств за границей и исправления восточных границ Веймарской республики. При этом министр осознавал, что аншлюс принесет Германии не только выгоды, но и проблемы, в частности, укрепление влияния католиков и усиление антагонизма Пруссии и Баварии, которая выступала бы заодно с Австрией [9, с. 337].

Таким образом, речь шла уже не о немедленном выдвигании требования аншлюса, но о его долговременной, методичной подготовке. Между тем в условиях нарастающего экономического кризиса в Австрии как в ней самой, так и в Веймарской республике все чаще раздавались призывы к объединению двух немецких государств как средству решения австрийских проблем. Г. Штресеман открепивался от подобных настроений, понимая, что они лишь усиливают подозрение со стороны как великих держав, так и

малых стран – соседей Германии. Так, в разговоре с британским послом Э.В. Д'Аберноном Г. Штреземан, причисляя себя к сторонникам аншлюса, признавал, что «даже идеальное присоединение повлечет за собой большие трудности для Германии», в первую очередь финансовые, т.к. на Веймарскую республику легла бы забота о восстановлении австрийской экономики [10, с. 100]. Вследствие этого министр не считал необходимым поднимать вопрос об аншлюсе в настоящий момент.

Однако это не означало отказа правительства от самой идеи аншлюса – в перспективе он все же мог вновь быть поставлен на повестку дня. При этом Г. Штреземан был уверен, что инициатива объединения должна исходить не от Германии, а от Австрии: по его словам, «успех мог быть достигнут лишь в том случае, если митинги в поддержку аншлюса начнутся в самой Австрии», - тогда Германия будет обязана заявить, что «готова взять на себя и это бремя» [2, с. 393]. Надежды на подобные митинги были вполне оправданы: на протяжении всего лета 1925 г. в различных городах Австрии проводились собрания Всегерманского союза, Австро-германской рабочей группы, а 14 июня в Санкт-Пёльтене была организована демонстрация в поддержку аншлюса, участие в которой приняли 12 тысяч сержантов из Республиканского шуцбунда.

В этих условиях Г. Штреземан понимал, что аудитория в самой Германии желала видеть более твердую позицию правительства по вопросу об объединении немецких государств. Поэтому на встрече с представителями Немецкой национальной народной партии 2 апреля 1925 г. Г. Штреземан, отвечая на вопрос об отношении правительства к идее аншлюса, утверждал, что видит в запрете аншлюса «серьезное нарушение права народов на самоопределение» и что он сделает все возможное, чтобы «достичь единения, пока оба народа этого пожелают» [2, с. 223]. В аналогичном ключе была выдержана анонимная статья в газете «Гамбургер фремденблат», опубликованная 14 сентября того же года: ее автор торжественно заявлял, что Германия «должна бороться за право народов на самоопределение, к которому при решении вопроса об аншлюсе Немецкой Австрии союзники отнеслись с беспримерным цинизмом, превратив его в иллюзию» [10, с. 172]. Этим автором был не кто иной, как Г. Штреземан, подвергавший критике тех, с кем ему через месяц предстояло встретиться в Локарно.

Впрочем, в ходе самой Локарнской конференции Г. Штреземан так и не затронул австрийский вопрос. Однако Рейнский гарантийный пакт теоретически открывал возможность для аншлюса, т.к. не содержал в себе международных гарантий восточных границ Германии, в том числе с Австрией. Тем не менее Г. Штреземану не удалось избежать обвинений в том, что «вступление в Лигу Наций и договоры с восточными соседями – это отказ от изменения невыносимых границ на востоке, отказ от Данцига и Мемеля» и, более того, «предательство братьев в Австрии и судетских немцев» [14, с. 4556]. Защищаясь от подобных обвинений, министр доказывал, что «арбитражные договоры, заключенные на востоке, направлены на мирное урегулирование конфликтов, но никоим образом не связаны с нынешними границами» [9, с. 343]. Что же касается Лиги Наций, то в ней Г. Штреземан заявил о себе, как о защитнике национальных меньшинств (в первую очередь немцев за пределами Германии), что, по мнению К. Финк, стало «значительным эпизодом в его знаменательной карьере» [7, с. 351]. В то же время нельзя не согласиться с мнением К. Киммиха: после вступления Германии в Лигу Наций Г. Штреземан практически не использовал организацию и возможности, которые она предоставляла, для достижения своих целей, в том числе для продвижения идеи аншлюса [8, с. 96].

В равной степени Г. Штреземан не форсировал решение вопроса об аншлюсе при личных встречах с канцлерами Австрии. Примером может служить встреча Г. Штреземана и Р. Рамека в ходе визита последнего в Берлин 26-29 марта 1926 г. Затрагивая проблему объединения немецких государств, Г. Штреземан твердо обозначил германскую позицию: «Следует рассматривать движение в поддержку аншлюса как нечто само собой

разумеющееся, но не следует агитировать слишком громко» [3, с. 213]. Австрийский канцлер выразил полное согласие с мнением министра иностранных дел Германии. Вместе с тем Г. Штреземан поддерживал намерения Австрии укрепить дружеские отношения с другими государствами – преемниками Австро-Венгерской империи при сохранении тесной взаимосвязи между австрийской и германской внешней политикой. Это позволяло Германии сохранить Австрию в сфере своего влияния и использовать ее в качестве проводника своей политики в Центральной Европе.

В последующие два года обсуждение проблемы аншлюса практически исчезло из политической жизни двух немецких государств. Во многом это было связано со сменой кабинета Р. Рамака менее прогерманским кабинетом И. Зайпеля. Свою роль сыграла и нестабильность социальной обстановки в Австрии: в июле 1927 г. в Вене прошла всеобщая забастовка в знак протеста против оправдания на Шаттендорфском процессе фашистов, виновных в убийстве рабочих в мае того же года. Г. Штреземан негативно отнесся к охватившим Вену волнениям. По его мнению, германские политические институты просто не смогли бы усвоить нестабильную Австрию, в связи с чем он признавался статс-секретарю К. фон Шуберту: «Было бы лучше, если бы Австрия, вконец и навсегда, оставалась в нынешнем положении, при котором она остается независимой и не присоединена к Германии» [12, с. 141].

Подобные размышления привели к тому, что в ходе визита канцлера В. Маркса и Г. Штреземана в Вену 13-16 ноября 1927 г. проблема аншлюса практически не обсуждалась. Вместо этого министр с радостью отмечал, что после подавления волнений «Австрия, полная энергии, успешно начала восстановление», и выражал надежду, что «благодаря гению населения в местах многовековой немецкой культуры в Австрии вскоре может начаться новый расцвет» [11, с. 224].

Однако это не означало отказа от разработки проектов потенциального объединения Австрии и Германии. Приоритет при этом отдавался не прямому слиянию двух государств, а экономическому и политическому сотрудничеству. Так, автор записки, поданной К. фон Шуберту в августе 1926 г., писал: «Аншлюс Австрии... это не единственный способ защитить немецкие интересы в Австрии. Наши интересы будут удовлетворены и в том случае, если Австрия останется независимым государством, но ее политические и экономические связи с другими государствами никогда не будут столь же тесными, как с Германией...» [3, с. 353-354]. В «Памятной записке к вопросу о немецко-австрийской таможенной унии» от 20 августа 1927 г. предлагалось заключить между двумя странами «таможенный или экономический союз в виде договора на определенный срок с возможностью расторжения, который был бы основан на международном (а не на государственном) праве» по образцу того, который существовал между Германией и Люксембургом до войны, Люксембургом и Бельгией после войны, Данцигом и Польшей или Саарской областью и Францией [4, с. 272]. Подобные идеи находили и практическое воплощение, например, в виде австро-германского договора 1927 г. о железнодорожном сообщении. Во многом это предвосхищало попытку таможенной унии между Германией и Австрией в марте 1931 г., однако ее Г. Штреземан, скончавшийся 3 октября 1929 г., уже не застал.

Таким образом, Г. Штреземан прошел путь от ярого сторонника аншлюса до осторожного политика, осознававшего опасности, которые таило в себе слияние Германии и Австрии в единое государство. Он верил, что Австрия должна занять свое место в Германском рейхе – но в отдаленной перспективе и исключительно мирным путем. Можно сказать, что в австро-германских отношениях в «эпоху Штреземана» царил лозунг: «Вопрос аншлюса не стоит остро». Тем не менее шаги, предпринятые немецким правительством на этом направлении в 1920-е гг., сыграли свою роль при подготовке аншлюса в следующем десятилетии.

1. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 896 с.
2. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Luther I/II (1925–1926). Bd. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919–1933/0000/lut/lut1p/index.html>. – Дата доступа: 29.09.2018.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amtes. Serie B: 1925–1933. Bd. III: Dezember 1925 bis Dezember 1926. Deutschlands Beziehungen zu Süd- und Südosteuropa, Skandinavien, den Niederlanden und zu den außereuropäischen Staaten / Hg.: I. Krüger-Bulcke [et al.]. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. – XLVIII. – 580 S.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amtes. Serie B: 1925–1933. Bd. VI: 1. Juli bis 30. September 1927 / Hg.: F. Knipping [et al.]. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. – XLIX. – 567 S.
5. Batonyi, G. Britain and Central Europe, 1918–1933/ G. Batonyi. – Oxford: Clarendon press, 1999. – 240 p.
6. Faure, E. Berlin – Vienne. Stresemann et l’Autriche (1918–1929)/ E. Faure // Berlin: Carrefour des années vingt et trente. – Paris, 1992. – P. 125-145.
7. Fink, C. Defender of Minorities: Germany in the League of Nations, 1926–1933 / C. Fink // Central European History. – 1974. – № 4. – P. 330–357.
8. Kimmich, C.M. Germany and the League of Nations / C.M. Kimmich. – Chicago: The Univ. of Chicago press, 1976. – XII. – 266 p.
9. Stresemann, G. Schriften / G. Stresemann. – Berlin: Berlin, 1976. – XVI. – 438 S.
10. Stresemann, G. Vermächtnis. Bd. 2: Locarno und Genf / G. Stresemann. – Berlin: Ullstein, 1932. – XIV, 611 S.
11. Stresemann, G. Vermächtnis. Bd. 3: Von Thoiry bis zum Ausklang / G. Stresemann. – Berlin: Ullstein, 1932. – XIV. – 608 S.
12. Suval, S. The Anschluss Question in the Weimar Era. A study of Nationalism in Germany and Austria, 1918–1932 / S. Suval. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1974. – XXII. – 240 p.
13. Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Bd. 335. Anlagen zu den Stenographischen Berichten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_wv_bsb00000019_00063.html. – Дата доступа: 30.09.2018.
14. Verhandlungen des Reichstags. III. Wahlperiode 1924. Bd. 388 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000072_00121.html. – Дата доступа: 30.09.2018.

КРАХ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

В.Н. Залепеев

30 января 1933 г. президент Германии П. фон Гинденбург назначил на пост рейхсканцлера Адольфа Гитлера – лидера Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Он был известен немецкому народу, да и мировой общественности как идеолог программы «завоевания жизненного пространства» на Востоке Европы и ревизии версальской системы мира. Для достижения поставленных целей во внешней политике применялись методы и средства, где авантюризм сочетался с твердым прагматизмом.

В начале своего правления Гитлер стремился убедить гарантов Версальского договора в мирном характере своего внешнеполитического курса и неоднократно подчеркивал преемственность с политикой Веймарских правительств. Кульминацией политики «добросердечных» предложений стала большая «речь мира» Гитлера от 17 мая 1933 г. [8, с. 342–343]. Декларативные заявления «о взаимопонимании» и «справедливом мире» достигли желаемого результата. Американский президент Ф. Рузвельт был даже «в восторге» от выступления рейхсканцлера [10, с. 316]. Самым ярким успехом такой политики стал пакт четырех держав – Англии, Франции, Германии и Италии, который хотя и не был ратифицирован, но означал в моральном плане как бы прием «новой» Германии в сообщество великих держав [3, с. 469–471].

Но уже осенью 1933 г. Гитлер резко изменил направленность своей политики. Германская делегация, протестуя против отказа ей в предоставлении равноправия в вооружении, покинула конференцию в Женеве. Одновременно немецкое правительство сообщило о выходе Германии из Лиги Наций, а 95 % немцев на плебисците одобрило этот шаг. По мнению германского историка И. Феста, этот результат был получен в результате